

Тяпко Г.Г. Хорватское "триязычье" в начале XXI в. / Г.Г. Тяпко // Глобализация – этнизация : этнокультурные и этноязыковые процессы : в 2 кн. Кн. 2 / [отв. ред. Г.П.Нещименко] ; Ин-т славяноведения РАН. – М.: Наука, 2006. – С. 153-173.

Г. Г. Тяпко

ХОРВАТСКОЕ «ТРИЯЗЫЧЬЕ» В НАЧАЛЕ XXI ВЕКА

Nikada nećemo dobiti objektivnu povijest ni psihologiju našega književnog jezika, ako ne uzmemo u obzir naše dijalekte, koji se međusobno dodiruju i prožimaju već nekoliko stotina godina ...

I. Katušić

[Sabor čakavskog pjesništva 1970, 136]

Понятия «глобализация», «глобализм», «глобалисты», имеющие для наших современников скорее отрицательные, нежели положительные коннотации, вошли на рубеже двух веков — прошедшего и нынешнего — в научный оборот самых разных дисциплин, в том числе и лингвистических. Употребительность этих терминов столь высока, что, вероятно, и через несколько столетий по ним будут безошибочно определять печатную продукцию нашей эпохи. Вместе с тем, для этого же времени характерны понятия с противоположным значением, свидетельствующие об энергичном отпоре процессам глобализации, о борьбе за сохранение оригинальности мира и даже усилении его исконной мозаичности и гетерогенности. Подтверждением тому является, в частности, активизация упомянутых выше терминов с префиксом *анти-*: «антиглобализм», «антиглобалисты». Процессам глобализации современного мира противостоят разные формы парциализации, «уравновешивающие» глобализацию, подобно центростремительным и центробежным силам. Парциализация современного мира есть естественная реакция на глобализацию, и энергетику парциализации нельзя недооценивать. Было бы неверно сводить ее только к бросающимся в глаза конфликтным проявлениям с печальной развязкой. Парциализация, движение в сторону дробления культурного пространства, романтизация архаичных моделей нередко связаны с активизацией элит все более мелких по численности групп населения, стремящихся в условиях новой демократии закрепить за собой более высокий статус, в том числе и с помощью языка. Однако, если отвлечься от случаев исторически необоснованных притязаний новых элит на скоропалительное изменение — завышение — статуса своего бытового языка ради политических амбиций, парциализация может представлять и вполне мирную культурную «коллизию» (в рамках цивилизованной общественной дискуссии), которая может быть «заморожена» или решена к взаимному согласию сторон с позиций разумного эгоизма. Такой, во многом уникальной языковой ситуацией предстает

современное хорватское «триязычье» — сосуществование трех литературных языков — штокавского, кайкавского и чакавского, имеющих многовековую историю параллельного функционирования. Статус этих языков неодинаков: штокавщина является диалектной основой *кодифицированного* общенационального литературного языка (только к ней применяется термин «стандартный язык», удачно найденный в свое время Д. Брозовичем) и имеет в Хорватии самую большую социолему. Однако параллельно со штокавским стандартным литературным языком на территории Хорватии сохраняются и развиваются исторически обусловленные ареалы некодифицированных (нестандартных) региональных литературных языков — кайкавского и чакавского, имеющих также свою книжно-письменную традицию, функциональные стили и весьма значительное число говорящих: каждый второй хорват является чакавцем или кайкавцем [Katušić 1970, 83], и «под тонкой глазурью штокавщины в каждом тексте, в каждом речевом «произведении» чакавца или кайкавца цветет и расцветает его родной язык» [Frangeš 1970, 22]. Таким образом, каждый второй хорват является билингом, носителем родного диалекта и пользователем стандартного — штокавского — языка. В этих условиях человеку совсем не просто выучить стандартный язык, а государственным институтам сохранять чистоту штокавского стандарта и одновременно стимулировать развитие региональных литературных языков. Взаимопроницаемость диалектов, носители которых всегда ощущали свою этническую общность, весьма велика. Влияние кайкавского и чакавского языков на «главный» — штокавский — стандарт уходит корнями в глубину веков: современная хорватская литература является естественным продолжением не только старой штокавской, но и старой чакавской, старой кайкавской литературы. Чакавский компонент присутствует в ранней дубровницкой литературе. На территории региональных литературных языков расположены крупнейшие культурные центры Хорватии с многовековой историей — кайкавский Загреб, чакавские Сплит и Риека. В разные исторические периоды чакавский и кайкавский языки как будто были близки к кодификации (так во всяком случае полагают некоторые хорватские исследователи, в том числе и весьма авторитетные)[Frangeš 1970, 27], но по разным причинам этого не произошло. Кодифицирована была только штокавщина. Тем не менее, феномен хорватских «соязыков», отставших от нее в вопросе кодификации более чем на столетие, всегда привлекал внимание исследователей хорватского, и шире, штокавского языкового пространства. В настоящее время этот интерес возрос еще больше и стимулируется, с одной стороны, ощущением тревоги за судьбы «маленьких» языков в условиях глобализации, с другой, появившимися возможностями в условиях новой демократии «наверстать упущенное» и хотя бы отчасти исправить ошибки истории в вопросе кодификации. В некотором смысле хорватские региональные языки переживают сегодня запоздалое «возрождение», которое штокавщина встретила еще в XIX в. В то же время, специалисты хорошо понимают, что глобализация является тяжелейшим испытанием на прочность не только для некодифицированных — региональных — хорватских соязыков, но и для штокавского «стандарта». Системы языковой защиты и превентивных мер горячо

обсуждаются на страницах специализированных периодических изданий каждого из языков. Проанализируем наиболее интересные материалы, содержащие немало поучительного.

С манифестом в защиту хорватской штокавщины — официального общелитературного (стандартного) языка — к президенту Хорватской академии наук и искусств (HAZU) обратился ведущий профессор Философского факультета Загребского университета А. Ковачец, опубликовавший план неотложных мер на страницах загребского журнала «Язык» [Коваџес 2004], печатного органа Хорватского филологического общества. А. Ковачец рассматривает глобализацию не только в негативных тонах. Напротив, он перечисляет реальные «плюсы», которые несет в себе экономическое, финансовое и технологическое объединение человеческих ресурсов в планетарном масштабе. Но одновременно он видит и издержки всемирного объединения, прежде всего в сфере культуры. Особенно большую цену могут заплатить «маленькие», наименее защищенные языки, но деструктивных процессов не избежать даже английскому, самому мощному языку всемирной глобальной коммуникации. По мнению А. Ковачеца, нечто подобное, хотя и в неизмеримо меньших масштабах, в человеческой истории уже происходило, например, с латынью или греческим языком внутри Римской империи, где они первоначально были главными языками межэтнического общения, оказавшими огромное влияние на языки разных этносов. Распространение христианства и ислама также нивелировало языковые особенности многих этносов и государств, привело к сближению их образа жизни и культур: у народов, принявших христианство — с греческой и латинской, у принявших ислам — с арабской. Империя Карла Великого способствовала цивилизационной и культурной конвергенции народов Западной и Центральной Европы. Проявлением «ограниченной глобализации» А. Ковачец считает и социалистическую систему, объединившую в XX в. значительную территорию Европы и Азии и выдвинувшую русский язык на роль главного средства межэтнической культурной коммуникации. Но по силе воздействия глобализационные процессы третьего тысячелетия не имеют себе равных. Преамбула обращения А. Ковачеца анализирует угрозы глобализации для этноязыковой культуры «в связке» с экономическими, социальными, экологическими последствиями, что усиливает аргументацию автора и заставляет почувствовать реальность его опасений за будущее языков небольших по численности народов. По мнению А. Ковачеца, для хорватского стандартного языка дестабилизирующим фактором может стать не только глобализация, но и европейская интеграция: чиновники ЕС, членом которого Хорватия может стать в ближайшие годы, кулуарно уже обсуждают вопрос о сокращении числа рабочих языков.

Во второй части своего Обращения А. Ковачец перечисляет превентивные меры, которые следует принять безотлагательно для защиты штокавского стандарта. По его мнению, государство должно обеспечить условия для эффективной, рассчитанной на длительную перспективу работы научных и специализированных учебных заведений страны (академии наук — HAZU, кафедр кroatистики, Института хорватского языка и языкознания

и др.) по защите и совершенствованию официального языка. Необходимо определить, какая из вышеперечисленных организаций будет координировать и направлять эту работу. Важно, чтобы все решения, связанные с главным языком страны, утверждались на государственном уровне только после их согласования с данными организациями и с их одобрения. Решения, связанные с публичным использованием государственного языка, должны приниматься после научной экспертизы и быть обязательными для всех без исключения — политиков, общественных деятелей, СМИ, образовательных учреждений всех ступеней. Язык необходимо последовательно деполитизировать и деидеологизировать (в хорватском полиэтническом обществе это важно), ибо язык должен служить всему народу, а не интересам той или иной партии или идеологии. Ключевую роль в этом процессе должна играть школа. Обучать детей «хорошему» языку нужно правильно, обеспечивая системность и преемственность на всех ступенях — от детсада, начальной школы до средней общеобразовательной школы или техникума. На высших ступенях, когда хорватский язык преподается как самостоятельный предмет, обучение всех других предметов также должно вестись на хорошем литературном (стандартном) языке. А. Ковачец отмечает, что в прошедшей дискуссии о реформе школьного образования вопрос о языке и его месте в системе обучения не поднимался вообще, хотя здесь не все так благополучно. «Только привив культуру речи в школе, — подчеркивает он, — мы сможем потребовать от политиков, общественных деятелей и СМИ придерживаться норм нашего стандартного языка».

Официальная пресса, составители школьных учебников, разработчики законодательных актов в обязательном порядке должны принимать во внимание рекомендации, одобренные лингвистами и консультирующими организациями. Следует навести порядок в области терминологии, где за исключением некоторых отраслей (химия, медицина, мерные стандарты) имеют место неупорядоченность, случайность и окказиональность. Политические и общественные деятели должны быть носителями высокой языковой культуры. Хороший литературный язык должен стать одним из критериев успешности их публичных выступлений в средствах массовой информации.

Призывая «соблюдать чистоту в собственном доме», А. Ковачец призывает своих сограждан во всех ситуациях, на всех уровнях следовать нормам литературного (стандартного) языка. Только так можно будет противостоять негативному воздействию глобализации на государственный язык. Стремительное развитие технологий ежедневно приносит с собой все новые и новые термины, облик которых произвольно определяют переводчики-практики, далеко не всегда учитывающие нормы стандартного языка, поскольку они выполняют свою работу от случая к случаю. А. Ковачец предлагает разработать научно обоснованные критерии и на основе заключения специальной комиссии решать, какие иностранные термины можно будет принимать без изменений, какие из них калькировать, какие — переработать и переосмыслить. По его мнению, такой подход в начале потребует определенных усилий, но зато потом окупится старицей, поскольку

проблема вхождения и адаптации новой терминологии будет решена раз и навсегда, на долгосрочной основе (при этом А. Ковачец ссылается на весьма успешный опыт словенцев, поступающих именно так). Большую тревогу у исследователя вызывает «языковая индустрия» ЕС, связанная с машинным переводом. Стремление к унификации и языковой экономии нередко дестабилизирует нормы небольших этнических языков, участвующих в машинном переводе. А. Ковачец приветствует решение о формировании в Хорватии комиссии по составлению терминологического справочника официальных языков ЕС. В нем будут зафиксированы хорватские эквиваленты важнейших понятий из области европейского права. В сущности, речь идет об адаптации терминологии международного права хорватским законодательством. В комиссию входят юридические и лингвистические организации, следовательно, терминологический справочник будет составлен с учетом норм хорватского стандарта.

При чтении текста «Обращения» создается ощущение, что европейская интеграция — «малая глобализация» — вызывает у автора даже большую обеспокоенность, чем глобализация во всемирном масштабе. По всей видимости, это связано с тем, что европейская интеграция для Хорватии почти реальность, в то время как глобализация в планетарном масштабе воспринимается пока отвлеченно, как угроза, несколько отодвинутая во времени. Рассуждая о европейской интеграции, А. Ковачец опасается, что Хорватия может быть принята в ЕС без своего языка. Такие опасения не беспочвенны и связаны с тем, что по мере расширения Союза, чиновники кулуарно все чаще говорят о необходимости ограничить число официальных языков ЕС. Кроме того, перед хорватскими нормализаторами возникает целый ряд нелегких проблем психологического характера. Они понимают, что штокавская диалектная база имеет внушительную социолему (общающуюся без переводчика) и за пределами страны. Это объективно ослабляет усилия хорватских нормализаторов: узус оказывается сильнее нормативных предписаний, которые к тому же надо выучить. Но и это еще не все. В европейский дом «стучатся» и другие республики бывшей СФРЮ, официальные стандарты которых исторически связаны с той же самой — штокавской — диалектной базой. Названия двух языковых стандартов — «сербского» и «хорватского» — получили международное признание с XIX в. в однословной или двухсловной фиксации (что позволяет говорить о преемственности каждого из них, по крайней мере, по названию языка), однако нормализаторы других республик выступают за международное признание их локальных (также штокавских) стандартов в качестве отдельных языков с собственными названиями. Эти усилия поддерживаются и местными элитами, которые полагают, что наличие своего языка есть неременный атрибут суверенизации. А. Ковачец указывает, что в отдельных европейских центрах вместо этнического названия языка («хорватский» или «сербский») употребляется «неудобоваримый» четырехчленный аналог.

В заключительной части «Обращения» А. Ковачец подчеркивает, что глобализация затрагивает все языки, большие и маленькие, притом для последних речь идет о сохранении

не только языка, но даже и этнической самобытности. Одним из пагубных последствий глобализации ученый считает вытеснение из школьного преподавания важных языков мировой культуры — русского, французского, немецкого и замена их одним языком — английским. По мнению А. Ковачеца, это наносит огромный вред хорватской культуре, как когда-то упразднение латыни в школьной программе. Сегодня необходимо защищать эти языки также, как это делали «наши предки в XIX в., когда они выступали за сохранение латинского языка: отстаивая латынь, они, в сущности, боролись, за сохранение своего этнического языка» [Kovačec 2004, 66]. Только с помощью государственных мер защиты языка исследователь видит возможность сохранить его в условиях большой и малой глобализации.

Еще большей тревогой за судьбы родного языка проникнуты выступления хорватских кайкавцев, предчувствующих губительные последствия глобальных процессов на их маленький, нормативно слабо защищенный очаг этнической культуры. В этом отношении весьма показательна статья кайколога Й. Скока [Skok 2004], на примере кайкавщины поднимающая актуальные вопросы оптимального функционирования региональных соязыков. В прагматическом ключе исследователь анализирует все «за» и «против» в требованиях культурно-языкового движения хорватских «кайофилов». Почти любой разговор о кайкавском языке, его статусе и значении, а также о его дальнейшем развитии вызывает повышенные эмоции в хорватском обществе, особенно, если этот разговор не является предметом научного спора. Эту тему обычно поднимают и подогревают «кайофилы», среди которых есть люди разные: и искренние, но не всегда компетентные, и «дон кихоты», чьи сентиментальные взгляды легче понять, нежели принять, и, наконец, редкие, но зато самые голосистые «фундаменталисты», рьяно отстаивающие родное слово (*domaći jeć*), которому они хотят вернуть былые позиции.

Основные требования всех трех групп хорватских кайофилов сходны: безотлагательно разработать единый, унифицированный стандарт диалектно многоликой кайкавщины, издать нормативную грамматику, подготовить общекайкавский словарь и, наконец, унифицировать кайкавскую орфографию. Далее следуют требования повысить статус кайкавщины, допустить ее в сферы публичного и официального общения, а также ввести в школьное обучение. Источники этих умонастроений лежат на поверхности и заключаются в следующем:

а) в повышенном эмоциональном отношении кайкавцев к языку своего детства, своего семейного круга и малой родины:

б) в ностальгии по утраченным позициям кайкавского языка предвозрожденческого периода;

в) в резко негативном отношении к штокавцам, считающим себя единственными, богом данными, хранителями хорватского языка, и умаляющими, с точки зрения кайкавцев, значимость других диалектов вообще, а кайкавщины в особенности;

д) в ощущении незащищенности кайкавского, а также чакавского языков перед официальным и ортодоксальным (!) стандартами;

е) в страхе перед глобализацией и ее последствиями для судеб «малых» языков и их наречий;

ж) в стремлении повысить статус кайкавского языка, сделав его, если не обязательным, то хотя бы факультативным предметом школьного обучения, который будет указывать на наличие и значимость этого языка.

Источником этих настроений является и современная художественная литература. Ключевым словам — kaj и ča, ставшим символами кайкавского и чакавского языков — посвящены целые поэтические произведения, эссе, прозаические тексты. Стихи Домьянича, посвященные «kaju» и «родному слову», поэтические размышления М. Крлежи о трагической судьбе кайкавского языка отозвались мощным ностальгическим эхом в современной кайкавской поэзии, в которой нет автора, не откликнувшегося на эту тему.

Несмотря на все превратности судьбы, кайкавщину в Хорватии принято считать литературным языком, а не диалектом. В пользу этого приводятся следующие аргументы: (1) кайкавщина по меркам страны имеет солидную социолему, представляющую почти треть хорватского населения; (2) весьма длительный период кайкавский язык служил и продолжает оставаться инструментом литературного творчества, опирающегося на образцы как «старой», так и «новой» хорватской литературы, что дает право говорить об *истории* кайкавского литературного языка (КЛЯ); (3) стилистическая дифференциация языка в более ранние периоды привела к формированию в нем функциональных стилей — научного, публицистического, ораторского (точнее, проповеднического) — характерных для зрелых литературных идиомов. Добавим, что не последнюю роль в жизненной силе кайкавщины играет ее широкое распространение на бытовом уровне, причем не только в провинции, но и в городской среде, особенно в таком престижном центре как Загреб, для жителей которого кайкавщина стала своеобразной — немного гротескной — визитной карточкой характерного «речевого поведения» (как, например, для нас язык одесситов). В то же время, кайкавщина не имеет единой унифицированной нормы, важнейшего конституирующего признака литературного языка, что отличает ее от общегосударственного штокавского языка.

Хорватский язык, нередко отождествляемый со «стандартом», в действительности, понятие более емкое и широкое, включающее многочисленные субстраты, лингвистически определяемые как наречия, диалекты и идиомы, а фактически, являющиеся своеобразными языками. Их роль выполняют:

а) официальный хорватский стандарт, опирающийся на нормированную часть штокавского наречия;

б) литературный язык, язык хорватской литературы;

в) неcodифицированная часть штокавского наречия, опирающаяся на икавский говор;

г) кайкавщина и чакавщина — неcodифицированные литературные языки.

Однако далеко не все хорватские штокавцы, в том числе и специалисты, заботящиеся о чистоте родного языка, видят в чрезмерном нерегламентированном употреблении кайкавизмов, чакавизмов и ненормативных штокавизмов способ обогащения официального штокавского стандарта (государственного языка). Наоборот, штокавские нормализаторы нередко рассматривают их как второсортные языковые единицы, дестабилизирующие штокавскую норму. Здесь и сталкиваются копыя. «Снобизм» штокавцев вызывает ответную негативную реакцию кайкавских и чакавских интеллектуалов по отношению к действующему стандарту. Притом кайкавцев такое отношение штокавцев, кажется, задевает гораздо больше. С их точки зрения, чакавцы, отождествляющие себя с городским населением Далмации и адриатического побережья, чувствуют себя более независимо и неуязвимо, нежели кайкавцы, которых, несмотря на «поддержку» столицы, воспринимают как сельских жителей и провинциалов.

За требованиями кайофилов — срочно кодифицировать их региональный язык — просматривается наивное заблуждение, будто бы кайкавщина является единым языком всех хорватских кайкавцев. В действительности же, она представляет пеструю мозаику «равновесных» говоров, что и составляет основную проблему кодификации кайкавского языка. Кайофилы не учитывают мирового опыта кодификации языков, предполагающего одну из трех возможностей: (1) естественное выделение одного из говоров (диалектов) по его доминирующей роли в коммуникации, что, в свою очередь, определяется численностью носителей данного говора (диалекта) или же престижностью его литературной традиции, высоким уровнем образования и культуры, мощностью его социолемы; (2) выделение одного из диалектов в качестве диалектной базы на основе общественного консенсуса, опирающегося на согласие остальных членов данного языкового коллектива; (3) создание общего языка на основе «синтеза» различных диалектов и говоров, в котором равномерно, без доминации одного из них, будут представлены все типы и функциональные стили. Но будут ли «работать» эти модели в кайкавской языковой ситуации ?

Хорошо известно, что даже в период расцвета кайкавской литературы — с 16 по 18 вв. — кайкавщина не имела единой нормы, хотя тенденции к объединению языка существовали, равно как и желание кайкавских авторов писать на языке *всех* читателей, к которым они обращались в своих произведениях. Правда, к концу 18 в. и в начале 19 в., благодаря «загребскому кругу» авторов (Титуш Брезовачки, Штефан Загребец, Игнац Кристьянович), в хорватской литературе начинает доминировать городская кайкавщина, а именно, загребский вариант кайкавского языка. К этому времени он уже располагал весьма развитой системой функциональных стилей, среди которых отчетливо выделяются литературный и разговорный язык, специальные подъязыки, язык науки, и это была солидная основа для кодификации кайкавщины. Из истории литературного языка известно также, что предпосылки кодификации кайкавщины существовали и ранее, когда представители озальского круга (17 в.) стремились создать единый язык путем синтеза различных кайкавских говоров. Но этот проект так и не был реализован. Намеки на эти модели и упущенные возможности

неизменно присутствуют в требованиях современных хорватских кайофилов. Но есть ли у них реальные возможности «исправить» ошибки истории ?

Интересны в связи с этим размышления Й. Скока. Анализируя каждое из требований кайофилов, он показывает утопичность одних и возможность реализации других требований. Наибольший скептицизм исследователь выражает в отношении постановки вопроса о *кодификации* кайкавского языка. Помехой на пути к единому стандарту, по мнению Й. Скока, является чрезмерная мозаичность кайкавской диалектной территории, что проявляется в параллельном функционировании разных вариантов кайкавщины — меджимурской, загорской, подравской, посавской, горанской, пригорской, вараждинской и загребской. При этом ни один из ее диалектов или говоров не выдвинулся естественным образом (по коммуникативной значимости, авторитету литературных произведений, мощности социолемы) на роль доминирующего варианта, который мог бы стать диалектной базой кайкавского стандарта, удовлетворяющего всех носителей кайкавского языка. На эту роль, по мнению Й. Скока, не могут претендовать ни «сельская», ни «городская» кайкавщины, также используемые сторонами в современной публичной коммуникации и кайкавской литературе. Таким образом, ни одна из разновидностей современной кайкавщины по силе своих ретрансляционных возможностей не может претендовать на историческую роль штокавщины в современном хорватском стандарте. Следовательно, вариантом, устраивающим всех кайкавцев, мог бы стать только «плюралистический» стандарт на основе «общекайкавского» синтеза вариантов, разработанный с помощью специалистов, т.е. искусственным путем. Гипотетически такой проект возможен, однако, будь он реализован, появятся новые, непредвиденные проблемы. Вся кайкавская литература в одночасье приобретет статус диалектной по отношению к новому — синтезированному — стандарту. Ее язык будет сниженным по отношению к нормам нового общекайкавского стандарта. В связи с этим упадет авторитет кайкавской литературы для читательской аудитории, стремящейся к образованию на родном литературном, а не диалектном языке. С развитием нового стандарта нельзя исключать в дальнейшем, по мере его развития и совершенствования, ослабление понимания диалектной литературы в полном объеме новыми поколениями учащейся молодежи, упадок литературного процесса в целом.

Далее, все кайкавцы, особенно те, чей говор будет обойден в новом стандарте, окажутся фактически носителями другого языка и, следовательно, все они должны будут научиться этому, искусственно созданному языку. Не исключено, что в рамках нового стандарта многие кайкавцы окажутся «неграмотными», особенно те из них, языковые особенности которых будут максимально отличаться от нового стандарта. Это может вызвать у населения спонтанное сопротивление его нормам. Непредсказуемые последствия кодификации, к сожалению, не учитываются кайофилами.

Второе их требование — создание нормативной грамматики — сопряжено с теми же трудностями, что и стандартизация. И здесь необходимо решить, какой из вариантов кайкавского языка следует принять за основу грамматического описания: отталкиваться ли

(а) от доминирующего кайкавского диалекта, (б) от условно выбранного диалекта, (в) от потенциального, синтезированного кайкавского идиома? Все варианты, как было показано выше, по-разному проблематичны. Кайофилам, требующим безотлагательного создания нормативной грамматики, Й. Скок не без оснований напоминает, что на основе кайкавского языка уже создано немало полезных грамматических описаний, в том числе и грамматик отдельных говоров — дифференциальных, дескриптивных и сравнительных. А если к этому добавить огромный материал, содержащийся в многочисленных научных публикациях, выполненных в виде нормативных регистраций диалектных явлений конкретного говора, и охватывающий все диалектное многообразие современной кайкавщины, то банк данных, необходимый для дескриптивной и сравнительной грамматик кайкавского языка, уже более чем достаточен. Если к этому добавить научные труды и монографии видных кайкологов — А. Шоята, М. Лончарича, С. Тежака, Й. Лисеца и других — этот проект может быть осуществлен сравнительно легко и быстро. Но даже в этом случае для реализации проекта необходимо будет выбрать ведущую организацию и обеспечить издательскую поддержку.

В инициативах кайофилов, — размышляет Й. Скок, — не все утопично. Некоторые из их предложений интересны и заслуживают внимания ученых и общественной поддержки. К числу таковых следует отнести требование кайофилов создать большой «общекайкавский» словарь. Идея большого словаря, охватывающего лексическое богатство всего кайкавского диалектного пространства, вполне осуществима и весьма перспективна. Собственно говоря, один из проектов общекайкавского словаря уже реализуется, однако работа над ним идет крайне медленно. Кроме того, по мнению Й. Скока, в основу данного проекта была положена не совсем верная — узкая — концепция, опирающаяся только на *литературный* язык этого и литературные произведения, опубликованные до середины прошлого века. По мнению исследователя, концепция словаря общекайкавского языка должна строиться на более широкой основе и опираться на лексическое богатство *всех* старокайкавских словарей, текстов как старокайкавской, так и новейшей литературы, вплоть до порубежья двух последних веков — нынешнего и минувшего. Следует учитывать и «любительскую» лексикографию кайкавских энтузиастов, подготовивших и опубликовавших словари отдельных кайкавских говоров — подравского, горанского и др. Недавно Т. Липлиным опубликован интересный и солидный словарь вараждинского диалекта [Lipljin 2002]. Имеющиеся любительские словари также дополняют и стимулируют хорватскую кайкавскую научную лексикографию.

Оптимальным решением для нормирования кайкавской орфографии Й. Скок считает принятие кайкавцами действующей хорватской орфографии, на которую, кстати, опирается современная кайкавская литература. Для передачи ранних текстов можно использовать старые системы хорватской орфографии, используемые издателями при подготовке произведений старых кайкавских авторов, а также в репринтных изданиях их трудов. Надо сказать, что этот тезис вызвал резкий отпор «оппозиционеров», полагающих, что «кайкавщина на пять звуков богаче штокавщины, поэтому для нее следует ввести диакритику: два или три

дифференцирующих надстрочечных знака («nadslovnika», как во французском и венгерском языках)» [Vjesnik 7-8.11. 2004].

По мнению Й. Скока, нет особых проблем для реализации еще одного требования кайофилов, а именно, включения кайкавщины в программу школьного обучения. По мнению Й. Скока, самое подходящее место для кайкавского языка и литературы — в курсе хорватского языка как учебной дисциплины. Оба этих предмета естественным образом взаимосвязаны и имеют много точек соприкосновения. Здесь открывается широкое поле деятельности для изучения краеведения, «малой родины», притом не только на обязательных уроках хорватского языка, но и в рамках факультативного обучения, которое без ограничения могут посещать все заинтересованные учащиеся, начиная с первого класса начальной школы. Разумеется, не все преподаватели хорватского языка по своему образованию в состоянии профессионально преподавать кайкавский язык и литературу. Однако пробелы в подготовке по этому аспекту школьные учителя хорватского языка, в том числе и начальных классов, могут восполнить в системе повышения квалификации, а также самостоятельно, читая специальную методическую литературу и методические рекомендации. В то же время, Й. Скок считает нецелесообразным выделять кайкавский язык в отдельный обязательный предмет школьной программы.

Преподаванием кайкавского языка в начальной школе (в Хорватии - это восьмилетка) будет решена проблема обучения учащихся их родному языку, знакомству с его особенностями и выразительными средствами, осознании его значения. В то же время, подчеркивает Й. Скок, школьное обучение будет способствовать сохранению этого языка, защите его от неотвратимой глобализации, которая пагубна и для официального хорватского «стандарта» — штокавского языка, а для кайкавского, тем более. «Глобализация как Дамоклов меч угрожает всем «маленьким» языкам, не получившим статус языков международного общения, поэтому забота о своем языковом наследии, о его современном состоянии, являясь органической частью личного, эмоционального, психологического, культурологического и национального самосознания, является сегодня неотложным императивом» [Skok 2004, 10]. И в прошлом, и в настоящее время кайкавский язык нередко воспринимается как второсортное средство общения, как провинциальный язык. У носителей этого языка с малых лет вырабатывается комплекс неполноценности, связанный с их «некрасивым» и «неправильным» языком. Точно также и литература на этом языке долгое время считалась инородным и маргинальным явлением в хорватской литературе. Это положение надо менять. Однако восстановление в правах кайкавского языка должно быть в пределах разумного и не превращаться в борьбу с официальным хорватским стандартом — штокавским и с хорватской литературой на штокавском языке. Забота о более глубоком изучении в школе кайкавского языка никоим образом не может ставить под вопрос функции стандартной штокавщины — главного фундаментального общенационального языка, его публичной, административной роли в коммуникации, включая СМИ. Введение кайкавского языка в

школьное обучение не должно повлиять в худшую сторону на качество преподавания штокавского языка, быть причиной понижения успеваемости учащихся по этому предмету.

Одним словом, заключает Й. Скок, именно из-за угрозы глобализации, а также в силу своего общественного и культурного самосознания и штокавцам, и кайкавцам необходимо энергичнее защищать общеэтническую языковую культуру. Это предполагает одинаково ответственное отношение и к стандартному языку, и к нестандартным соязыкам. Мы должны полностью осознавать значение хорватского стандартного языка как культурологическую реальность, связующую хорватский этнос, равно как и некодифицированные хорватские языки как неотъемлемые компоненты хорватской культуры в глобальном масштабе. Исходя из этого обучение школьников должно включать три составляющие:

- а) изучение, культивирование и бережное отношение к языку малой родины;
- б) изучение, культивирование и бережное отношение к хорватскому стандартному (обще)национальному языку;
- в) освоение и хорошее владение по крайней мере одним из мировых языков.

Введение кайкавского языка в качестве факультативного предмета, интегрированного в школьный курс хорватского языка, потребует составления очень продуманной программы, подходящих учебников и пособий. Программа должна охватывать языковую и литературную проблематику, но в то же время не слишком обременять учащихся «грамматическими» деталями. Преподавание языка должно стать увлекательным изучением живого, а не мертвого языка. Литературные произведения также должны подбираться с учетом детского восприятия и быть занимательными, аутентичными и представлять эстетическую ценность.

На языковых занятиях необходимо уделить особое внимание расширению словарного запаса учащихся, научить их активно употреблять лексику родного говора и совершенствовать запас лексическими единицами из художественной литературы. Такой подход должен быть положен и в концепцию учебника, который, в отличие от учебников стандартного языка, должен охватывать материал и по языку, и по литературе. Интеграция этих предметов в учебнике представляется весьма целесообразной, а их привлекательность зависит от методики подачи материала, оформления книги, эстетической ценности подобранного материала.

Обратимся теперь к рассмотрению статуса третьего хорватского литературного языка — чакавского, также не имеющего на территории Хорватии единой, унифицированной реализации. Полного сходства в положении чакавского и кайкавского диалектов нет, т. к. за пределами страны один из чакавских говоров обрел статус стандартного (об этом речь пойдет ниже). Чакавский диалект протянулся длинной полосой вдоль адриатического побережья [Ивић 1994; Finka / Mogoš; см. также: Lisac 2004]: от островов Ластово и Корчулы на юге до «сердца» Далмации — полуострова Истра на севере, где он соседствует со штокавскими и кайкавскими говорами. Чакавцами являются жители многих населенных островов Адриатики, а в ряде мест диалект «переходит» на побережье, например, с острова Крк спускается на территорию южнее Риеки. На острове Паг (северная Адриатика) и на

полуострове Пелешец (южная Далмация) чакавские говоры занимают их западную часть и соседствуют со штокавскими. Береговые анклавные чакавские говоры располагаются вокруг городов Риеки и Сплита. Они «вкрапливаются» и в континентальную часть Хорватии — Лику, Горный Котар, Жумберак, соседствуя нередко со штокавскими или кайкавскими говорами. Чакавские населенные пункты хорватской диаспоры встречаются также в Австрии (Градишче), Венгрии, Словакии и в Словении.

Своим названием чакавский идиом, как и кайкавский, обязан вопросительно-относительному местоимению «что», которому в чакавщине соответствует несколько эквивалентов: *ča, sa, će, se, čo*, а также *što, šta, kaj*. Варианты *što* или *šta* появляются на юго-востоке чакавского диалекта, а также в южном Градишче (Австрия), *kaj* — на севере Истры (в области Бузета), к юго-западу от Карловца, севернее Риеки (в Клане) и около Братиславы (Словакия).

В средневековый период чакавский диалект занимал гораздо большую территорию: от реки Цетины, Динарских гор, доходя почти до Уны — на востоке, до кайкавских говоров и словенского языка — на севере. Однако в результате османского вторжения и исхода славянского населения, в основном в 16 и 17 вв., территория чакавских говоров существенно уменьшилась. Но и тогда Истра, а также острова, расположенные северо-западнее Млета, и часть полуострова Пелешца, оставались чакавскими [Lisac 2004, 6].

В настоящее время на территории Хорватии функционируют пять чакавских говоров: бузетский, юго-западный истарский, северный чакавский, центральный чакавский, южный чакавский. Специфическими характеристиками отличается чакавский оазис на острове Ластово (ластовский чакавский говор). Чакавский диалект отличается архаичностью лексического фонда, присутствием в нем «венецианского компонента», что всегда вызывало интерес лексикологов и лексикографов. За последние несколько лет чакавская лексикография обогатилась новыми словарями: «Словарь риваньского говора» Л. Радулича [Radulić 2002]; «Сеньский словарь» М. Могуша [Moguš 2002]. Опубликовано несколько интересных монографий известных ученых, освещающих чакавскую проблематику: «Слово исконное» Степана Дамьяновича [Damjanović 2002]; «У истоков хорватского языка» Д. Малича (Загреб, 2002); «История хорватской литературы» С. П. Новака [Novak 2003].

Особый интерес представляет чакавский анклав хорватской диаспоры в Бургенланде (Восточная Австрия), известный как «язык градишчанских хорватов» или градишчанскохорватский литературный язык. Как известно, хорватская диаспора весьма многочисленна: за пределами Хорватии проживает примерно столько же хорватов, сколько и в самой Республике (т.е. около 4,5 млн. человек). Вся диаспора, независимо от страны пребывания, употребляют современный хорватский литературный язык на штокавской основе, используемый на ее этнической родине. Исключением является только язык австрийских хорватов, которые в качестве литературного языка употребляют другой идиом — градишчанскохорватский стандарт, сформировавшийся в условиях новой родины. В настоящее время хорватская диаспора в Австрии насчитывает примерно 60 тыс. человек.

Топоним Градишче (Gradišće), образованный переводом (калькированием) немецкого названия Бургенланд (одна из восьми земель Австрии), был введен в употребление известным градишчанским поэтом и деятелем культуры Мате Мершичем Милорадичем (1850—1928). Литературный язык градишчанской диаспоры отличается чакавской диалектной базой, что исторически обусловлено. Градишчанское ответвление чакавского диалекта, возникшее в 16 в. в результате исхода славянского населения в период османского вторжения на Балканы (а также в результате экономической эмиграции), имеет собственную историю развития, отличающуюся длительными перерывами в контактах с языком этнической родины. Большую часть беженцев и переселенцев составляли чакавцы, жители опустошенных и занятых османскими завоевателями территорий Лики, Крбавы, западной Боснии, нижнего течения рек Уны и Купы, Горного Котара и Славонии. Именно поэтому чакавский диалект был более всего распространен среди переселенцев. На чакавщине говорили все переселенцы, поселившиеся в Нижней Австрии, Моравии, Словакии, а также в населенных пунктах вдоль австрийско-венгерской границы. Штокавцев и особенно кайкавцев среди прибывших на новое место жительства было гораздо меньше. С середины 19 в., когда в градишчанской диаспоре начинается полемика по поводу формированием единой модели (единого стандарта) литературного языка, возникает оппозиция между чакавским большинством и штокавско-кайкавским меньшинством Градишча. В результате длительного противостояния «севера» и «юга», северо-чакавская модель, «своя» для большей части хорватской диаспоры в Градишче, начинает постепенно преобладать и становится диалектной базой нового — градишчанскохорватского — литературного языка.

История этого языка, и шире, история хорватской диаспоры в Австрии, в тяжелейших условиях сохранявшей свою этническую и культурную самобытность, драматична и весьма поучительна [Gad·nyí, Meršić 2004, 70-74].

В современной Австрии градишчанскохорватский литературный язык на территории Градишча имеет статус второго официального языка. Хорваты, проживающие на этой территории, добились права использовать его в местной администрации, судопроизводстве, школе. По мнению исследователя С. Вулич, эти права реализуются не в полной мере, существуя больше на бумаге, чем в жизни, тем не менее, факт остается фактом: язык градишчанских хорватов официально признан в Австрии [Vulić 2004, 14]. На нем ведется обучение в двуязычных школах. Для градишчанских хорватов это официальный язык литургии в церкви. Это также язык их печати, литературы и местного хорватского театра. Именно поэтому произведения, написанные на градишчанскохорватском языке, относятся к категории произведений, написанных на *литературном*, а не диалектном языке. Своим литературным языком его считают также хорваты, проживающие на территории западной Венгрии, и часть словацких хорватов, оказавшихся за пределами Градишча после распада Австро-Венгрии и передела государственных границ.

На рубеже двух веков — двадцатого и нынешнего — градишчанскохорватский литературный язык пополнился новыми нормативными изданиями, прежде всего в области

лексикографии и грамматики. Спустя почти десять лет после выхода в свет в Айзенштадте немецко-градишчанскохорватско-хорватского словаря под редакцией Й. Хамма (1982) появился градишчанскохорватско-хорватско-немецкий словарь, подготовленный авторским коллективом (1991). Оба словаря содержат собственно хорватскую — штокавскую — часть, представляющую лексику современного хорватского литературного языка. В 1999 г. Рудольф Томшич опубликовал в «Федеральной канцелярии» (Вена) двуязычные юридические словари — немецко-градишчанскохорватский и градишчанскохорватско-немецкий [Tomsich 1999]. Примечательно, что собственно хорватский раздел, представляющий хорватскую юридическую терминологию, в этом словаре отсутствует. Возможно, для местных потребностей этого было достаточно. Но не исключено, что включение собственно хорватского корпуса было делом трудоемким и «неподъемным» для автора, поскольку терминосистемы отражающие опыт разных государств и разные образцы терминообразования, требуют специального изучения как с точки зрения языка, так и компаративного права. Можно предположить, что изучение собственно хорватской правовой терминологии для градишчан равносильно изучению иностранной юридической лексики.

Но контакты двух хорватских стандартов продолжают крепнуть и развиваться. В 2003 г. Научно-исследовательский институт градишчанских хорватов в г. Железно (Австрия) опубликовал нормативную «Граматику градишчанскохорватского языка» [Gramatika ghr]. Исследователь С. Вулич, занимающаяся контрастивным изучением хорватского и градишчанского стандартов, опубликовала в 2002-2003 гг. ряд интересных статей, посвященных словообразовательному аспекту, и намерена сделать контрастивную грамматику двух родственных стандартов в полном объеме [см.: Vulić 1; Vulić 2; Vulić 3].

В начале XXI века перевернута одна из самых мрачных страниц в истории Хорватии, связанная с войной на Балканах. Очевидны успехи хорватского общества в формировании современного гражданского общества и широкой интеграции в международные структуры. Однако открытость маленькой страны влияниям европейского и планетарного масштаба — как положительным, так и отрицательным — вызывает обеспокоенность ученых в связи с состоянием языковой культуры в современном хорватском обществе. К традиционным факторам, осложняющим хорватскую языковую ситуацию, как-то, исторически сложившаяся мозаичность хорватского языкового пространства, билингвизм большей части населения страны, наличие трех разнодиалектных литературных языков с разным статусом, добавляется еще один: испытание глобализацией. Тревога за судьбы этнической культуры, важной частью которой является родной язык, выражается в разных протестных формах и движениях. Возможное дестабилизирующее и даже разрушительное воздействие глобализации на маленькие языки, тем более, региональные, функционирующие в некодифицированном виде, побуждает научную общественность противостоять новым угрозам, искать пути и средства сохранения языков мировой культуры в хорватском школьном и вузовском образовании, создавать собственные институты защиты родного языка, используя зарубежный опыт и свои знания, определять баланс интересов в языковой

политике, создавать условия для укрепления статуса официального литературного — штокавского — и поддерживать в разумных пределах развитие региональных некодифицированных языков — кайкавского и чакавского, являющихся также бесценным культурным достоянием этноса.

Важно отметить, что среди представителей региональных культур, пусть даже небольшой, но авторитетной их части, есть понимание значимости официального литературного языка на штокавской основе для стабильности языковой ситуации в целом, потребность культивировать этот стандарт не только на территории страны, но и в диаспоре. Представляются разумными доводы и предложения той части кайкавской научной общественности, которая осмотрительно подходит к программе кайкавского движения, разъясняя пагубные последствия поспешной стандартизации регионального языка при отсутствии всех необходимых условий. Создается впечатление, что представители чакавского культурного движения более оптимистичны и менее политизированы. Возможно, наличие официально признанного литературного идиома (пусть даже за пределами страны), в основу которого положен «свой» — северочакавский — диалект, смягчает ситуацию.

Л и т е р а т у р а

Iviћ 1994 — Iviћ П. С. Дијалектолошка карта // Српскохрватски дијалекти — њихова структура и развој // Редактор М. Радовановић. Прев. с нем. — Ср. Карловци-Нови Сад: Издавачка књижарница Зорана Стојановића, 1994. — (в конце книги).

Damjanović 2002 — Damjanović S. Slovo iskona. — Zagreb: Matica Hrvatska, Biblioteka theoria / Θ ΕΩ ΠΙΑ, ММII(2002). — 295 s.

Finka / Moguš — Finka B. — Moguš M. Karta čakavskog narječja.

Frangeš 1970 — Frangeš I. Položaj dijalekata u hrvatskoj književnosti // Sabor čakavskog pjesništva 1970 / Zbornici čakavskog sabora, sv. 1. — Rijeka: Izdavački centar MH, 1970. — S. 22.

Gad·nyi, Meršić 2004 — Gad·nyi K., Meršić Ž. Gradišće i jezik gradišćanskih Hrvata // Славянский вестник: Вып. 2: К 70-летию В.П. Гудкова / Под ред. Н.Е. Ананьевой и З.И. Карцевой. — М.: МАКС Пресс, 2004. — С. 70-74.

Gramatika ghr — Gramatika gradišćanskohrvatskoga književnoga jezika, ur. Ivo Sučić. — Železno: Znanstveni institut Gradišćanskih Hrvatov.

Vjesnik 2004 — Horvat I. Jedva da jednom progovori i Kajkavsko spravišće // Vjesnik. — 2004. — 7-8 studenoga.

Katušić 1970 — Katušić I. Susret čakavštine i štokavštine u djelu nekih suvremenih pjesnika // Sabor čakavskog pjesništva 1970 / Zbornici čakavskog sabora, sv. 1. — Rijeka: Izdavački centar MH, 1970. — S. 83.

Kovačec 2004 — Kovačec A. Izazovi globalizacije i hrvatski jezični standard // Jezik, časopis za kulturu hrvatskoga književnog jezika / god. 51., br. 2. — Zagreb: 2004. — S. 60-66.

Lipljin 2002 — Lipljin T. Rječnik varaždinskoga kajkavskog govora. — Varaždin: Garestin, 2002.

Lisac 2004 — Lisac J. Čakavština kao narječje i u hrvatskoj književnosti // Čakavska rič / polugodišnjak za proučavanje čakavske riječi / god. XXXII., br.1 — Split: 2004. — S. 5-11.

Moguš 2002 — Moguš M. Senjski rječnik. — Zagreb-Senj, 2002.

Novak 2003 — Novak S. P. Povijest hrvatske književnosti. — Zagreb, 2003.

Radulić 2002 — Radulić L. Rječnik rivanjskoga govora. — Zadar, 2002.

Sabor čakavskog pjesništva 1970 / Zbornici čakavskog sabora, sv. 1. — Rijeka: Izdavački centar MH, 1970. — S. 136.

Skok 2004 — Skok J. Je li moguća i da li nam je potrebna standardizacija kajkavskoga jezika / Kajkavianiana danas // Kaj, časopis za književnost, umjetnost i kulturu / god. XXXVII., br. 4-5. — Zagreb: 2004. — S. 3-11.

Tomsich 1999 — Tomsich R. Pravni rječnik gradišćanskohrvatsko-nimški. — Wien: Savezno kancelarstvo, 1999.

Tomsich 1999 — Tomsich R. Pravni rječnik Nimško-Gradišćanskohrvatsko-nimški. — Wien: Bundeskanzleramt, 1999.

Vjesnik 7-8.11. 2004 — Horvat I. Jedva da jednom progovori i Kajkavsko spravišće // Vjesnik. — 2004. — 7-8 studenoga.

Vulić 2004 — Vulić S. Prilog izradbi kontrastivne gramatike gradišćanskohrvatskoga književnoga jezika i suvremenoga hrvatskoga književnoga jezika na primjeru tvorbe riječi // Čakavska rič / polugodišnjak za proučavanje čakavske riječi / god. XXXII., br.1 — Split: 2004. — S. 14.

Vulić (1) — Vulić S. Neka otvorena pitanja u izradbi gramatike // Znanstveni zbornik, 1. ed. — Eisenstadt / Željezno, 2002.

Vulić (2) — Vulić S. Načela pri obradbi tvorbe riječi u Gramatici gradišćanskohrvatskoga književnoga jezika, Marulić, god. XXXV., br. 3., Zagreb, svibanj — lipanj 2002.— str. 496-498.

Vulić (3) — Vulić S. Tvorba riči, u: Gramatika gradišćanskohrvatskoga književnoga jezika, ur. Ivo Sučić. — Željezno: Znanstveni institut Gradišćanskih Hrvatov. — str. 245-390.